

ДИАНА УИНН ДЖОНС

ДОМ ЗА ПОРОГОМ

ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ

Санкт-Петербург

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445
Д 42

Diana Wynne Jones
THE HOMEWARD BOUNDERS
Copyright © Diana Wynne Jones 1981
THE TIME OF THE GHOST
Copyright © Diana Wynne Jones 1981
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Laura Cecil
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Анастасии Бродоцкой
Серийное оформление Татьяны Павловой
Иллюстрации Ирины Горбуновой
Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

Джонс Д. У.

Д 42 Дом за порогом. Время призраков : романы / Диана Уинн Джонс ; пер. с англ. А. Бродоцкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-389-15484-1

Завораживающе глубокие, умные, искрящиеся юмором и изумляющие лихими сюжетными поворотами удивительные сказки Дианы Уинн Джонс покорили миллионы читателей по всему миру.

В настоящее издание вошли сразу две истории, которые не оставят равнодушными ни давних поклонников творчества писательницы, ни тех, кто впервые встречается с ее волшебными мирами.

Роман «Дом за порогом» подарит встречу с героями, странствующими меж миров. Заложники чужой Игры, они могут лишь надеяться, что когда-нибудь очередной переход положит конец их изгнанию и вернет их домой. Но эта надежда – самый тяжелый якорь в Цепях скитальцев. И лишь тот, кто потеряет ее безвозвратно, сможет изменить правила грандиозной и безжалостной Игры.

«Время призраков» расскажет о сестрах, чья детская игра пробудила к жизни древнее и жадное языческое божество. Чтобы выкупить жертву, которой оно потребует, одной из сестер придется вернуться на семь лет назад, призраком, оставив свое тело в будущем, между жизнью и смертью.

Впервые на русском языке!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2019
© И. В. Горбунова, иллюстрации, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15484-1

ДОМ_{ЗА} ПОРОГОМ

*Томасу Таккетту с благодарностью
за советы по настольным варгеймам*

I

Вы слышали про Летучего Голландца? Нет? А про Вечного Жида? Ничего страшного. Я все про них расскажу, когда дойдет дело, — а еще про Хелен и Джориса, Адама и Констама и про Ванессу — сестру Адама, которую он хотел продать в рабство. Они все граничные скитальцы, как я. И еще я расскажу про *Тех*, кто сделал нас такими.

Всему свое время. Сперва я расскажу вам про машинку, в которую я все это наговариваю. Она тоже *Их*. У *Них* все есть. У нее впереди такая высокая узкая панель, а сверху ровненький квадрат, затянутый сет-

кой. Туда положено говорить. Как только начинаешь говорить, маленькая черная штучка сзади принимается скакать и елозить, будто деревенский дурачок на радостях, и откуда-то снизу вылезает бумага и наматывается на валик. Прыгающая штучка верещит и ерзает по бумаге и печатает в точности те же слова, какие ты говоришь, и с той же скоростью. И сама расставляет точки, запятые и все прочее. Что именно ты говоришь, машинку, похоже, не волнует. Когда я ее опробовал, то обзывал разными нехорошими словами, просто чтобы поглядеть, и она все записала и поставила после них восклицательные знаки.

Когда машинка запишет примерно фут разговоров, она отрезает бумагу и складывает в лоток впереди, чтобы ты мог перечитать и даже унести с собой, если захочешь. И при этом даже не перестает верещать. Если умолкнуть, она еще немного попрыгает вверх-вниз, будто в ожидании, когда ты еще что-то скажешь, потом замедлится и остановится с печальным и разочарованным видом. Поначалу меня это отвлекало. Пришлось привыкать. Мне не нравится, когда машинка останавливается. Тогда подкрадывается тишина. Ведь здесь, в этом Месте, остался только я. Все ушли, даже тот, чьего имени я не знаю.

Меня зовут Джейми Гамильтон, я когда-то был совершенно обычным мальчиком. Да и до сих пор в чем-то им и остался. На вид мне лет тринадцать. Но вы себе не представляете, какой я на самом деле старый. Когда все это со мной случилось, мне было двенадцать. А для граничного скитальца год — это целая вечность.

Первые двенадцать лет я жил самой заурядной жизнью, и мне это очень нравилось. Дом для меня — это большой город, и так будет всегда. Мы жили в очень большом, грязном, трущобном городе. Задняя дверь нашего дома выходила в уютный славный двор, и в хорошую погоду все выбирались туда поболтать, и все всех знали. А в передней части дома была наша бакалейная лавка, и все соседи ходили за покупками к нам. Мы были открыты каждый день и по воскресеньям тоже. Мама была женщина довольно резкая. Вечно скандалила с кем-нибудь во дворе, особенно если кто-то нам задолжал. И твердила, что соседи норовят брать все бесплатно просто потому, что живут в том же дворе, и так и говорила им прямо в лицо. Но когда дочку соседей переехал фургон с пивом, мама была с ними добрее всех на свете. Надеюсь, соседи тоже были добры с ней, когда все это случилось со мной.

А папа был большой и тихий, и добрым он был всегда. Он обычно разрешал брать все бесплатно. А когда мама возражала, говорил: «Но им же нужно, Маргарет». На этом спор обычно и заканчивался.

Папа мог положить конец любому спору, кроме тех, которые касались меня. Главные споры велись вокруг того, что я учился в школе последний год. Школа стоила денег. За мою школу приходилось платить несколько больше, чем мог позволить себе папа, потому что она была с претензиями. Она называлась «Чарт-Хаус», помещалась в унылом, как часовня, здании, и я помню ее как вчера. У нас были всякие традиции, тоже с претензиями на аристократизм, ну, например, мы называли учителей магистрами и пели школьный гимн, — потому-то мама ее и любила.

Мама мечтала, чтобы из меня вырос кто-то почище бакалейщика. Она была убеждена, что я смысленный, и хотела, чтобы в семье был врач. Спала и видела, как я стану знаменитым хирургом, консультантом королевской семьи, поэтому, понятно, хотела, чтобы я остался в школе. Отец отказывался наотрез. Говорил, что у него нет денег. Он хотел, чтобы я оставался дома и помогал в лавке. Они спорили об этом весь последний год, который я прожил дома.

А я — я сам не знаю, на чьей был стороне. В школе мне было смертельно скучно. День-деньской сидишь и зубришь списки: словарные слова, таблицы, исторические даты, географические названия... Я и сейчас готов на все, лишь бы не зубрить никаких списков. В школе мне нравилось только одно: соперничество с по-настоящему аристократической школой дальше по улице. Она называлась «Академия королевы Елизаветы», и тамошние ученики носили начищенные котелки и учились музыке и все такое. Они презирали нас — и по праву — за то, что мы притворялись, будто мы лучше, чем есть, а мы не меньше презирали их за музыку и дурацкие котелки. По дороге домой у нас случались просто роскошные драки. Но все остальное в школе навевало на меня смертельную скуку.

С другой стороны, и в лавке мне было так же скучно. Я с удовольствием оставлял лавку на своего брата Роба. Он был младше. И думал, будто отсчитывать сдачу и рассыпать сахар по синим бумажным пакетам — лучшая забава на свете. Моей сестренке Эльзи в лавке тоже нравилось, но она больше любила играть со мной в футбол.

Вот футбол я любил по-настоящему. Мы играли в проулке между нашим двором и следующим, — наши ребята против ребят из того двора. Обычно все кончалось тем, что мы с Эльзи играли двое на двое против братьев Макриди. Мы с ней не упускали случая поиграть. Нам пришлось придумать особые правила, потому что места было мало, и другие особые правила для дней большой стирки, потому что от чанов из сарайчиков для стирки по обе стороны проулка валил густой пар. Будто в тумане играешь. Из-за меня мяч вечно попадал в чье-то белье. Это было второй причиной для споров, которые папе не удавалось уладить. Мама вечно скандалила из-за того, куда я на этот раз угодил мячом, или ругалась с миссис Макриди, потому что я подавал плохой пример ее мальчишкам. Ангелочком я никогда не был. Не футбол, так еще что-нибудь, лишь бы позабавиться. Мама постоянно вступалась за меня, но это было безнадежное дело.

Еще я полюбил разведывать город. По дороге в школу или домой, чтобы мама не узнала. Так я и наткнулся на *Тех*, так что вам осталось потерпеть совсем чуть-чуть.

В тот год я каждую неделю намечал себе новый участок города и бродил там, пока не выучивал его. Потом двигался дальше. Я говорил вам, что для меня Дом — это большой город. Почти везде было примерно как у нас во дворе, людно, шумно и мрачновато. А вот рынок я очень любил. Все орут как умалишенные, апельсинов горы — таскай не хочу, — и над всеми прилавками большие газовые фонари. Один раз я видел, как навес загорелся. А еще я любил канал и железную дорогу. Мне всегда казалось, будто они то и дело виляют, чтобы

перебежать дорогу друг дружке. Каждую сотню ярдов то поезда лязгали над водой, то баржи на буксирах проплывали под железными мостами, кроме одного места, где для разнообразия канал проходил над рельсами на чередке высоких, как ходули, арок, а под арками теснились домишки. Рядом были богатые кварталы с хорошими лавками. Я полюбил богатые кварталы зимой, когда темно, мокрая дорога вся покрыта дрожащими огоньками и туда-сюда катаются кареты с богатеями. А были еще тихие уголки. На них натыкаешься неожиданно: стоит свернуть — и попадаешь в тихий уголок, о котором вроде бы все позабыли.

Тихий уголок, где мне настал конец, тоже был прямо за поворотом. Это сразу за богатым кварталом, почти под тем местом, где канал бежит поверху на своих ходулях. Прежде чем туда попасть, я миновал что-то вроде парка. Это был частный парк. Забираться в чужие владения я не очень-то стеснялся. Может, вернее было бы назвать его садом. Но я тогда был полный неуч. И траву до тех пор видел только в парках, потому и решил, что это парк, когда перелез через стену и попал туда.

Это был треугольный островок зелени. Парк разбили в самом центре города, но деревьев и кустов там было больше, чем я успел навидаться за всю предыдущую жизнь. Посередине проходила низинка, где росла трава — гладкая подстриженная трава. Как только я перелез через стену, меня накрыла тишина. В каком-то смысле мирная, но больше похожая на внезапную глухоту. Ни поездов, ни улиц я больше не слышал.

Ну и дела, подумал я и поглядел наверх проверить, на месте ли канал. Да, на месте, вот он, шагает по небу

прямо передо мной. Я обрадовался: до того здесь было странно, что я не удивился бы, если бы оказалось, что весь город куда-то подевался.

Что доказывает, что чутью надо всегда доверять. Я тогда ничего не знал ни о *Них*, ни о том, как устроены миры, но сразу все понял. Чутьем.

Надо было мне сразу перелезть обратно через стену. Зря я этого не сделал. Но вы уже представляете себе, какой я был тогда, и вообще я сомневаюсь, что вы на моем месте не захотели бы там задержаться. Очень она была странная, эта тишина. Но вроде бы не опасная. То есть на самом-то деле у меня все поджилки тряслись, но я сказал себе, что это нормально, все так себя чувствуют, когда нарушают границы частных владений. И вот с ощущением, будто вместо спины у меня копошится масса мелких мягких гусениц, я двинулся между деревьями к стриженной лужайке внизу.

Там стояла небольшая белая статуя. А я в искусстве не разбираюсь. Я просто увидел, что это голый человек (никогда не понимал, почему высокое искусство — это когда тебя раздевают: все равно ни скульпторы, ни художники не изображают мурашки), весь обмотанный цепями. Вид у него был не слишком довольный жизнью, и неудивительно. Но меня особенно заинтересовало, как скульптор умудрился вырезать цепи из камня: каждое звено по отдельности, и все продеты друг в друга, будто настоящие. Я даже пошевелил одно звено, чтобы проверить, что будет, и да, совсем как настоящая цепь, только каменная. Когда я приподнял звено, то увидел, что и эта цепь, и все остальные пристегнуты одним концом к кольцу чего-то вроде корабельного

якоря, а этот якорь вырезан так, словно он наполовину погружен в белый камень, на котором стояла статуя.

Вот и все, что я тогда заметил, поскольку не разбираюсь в искусстве. Дело в том, что в этот самый миг я увидел у широкой стороны парка, среди деревьев, какое-то каменное здание. Я очень-очень осторожно пошел туда, прячась за деревьями и кустами, и по спине у меня по-прежнему ползали гусеницы, но я уже привык.

Вблизи оказалось, что здание довольно большое, вроде маленького замка, и выстроено из розовато-серого камня. Оно было треугольное, как и парк. С той стороны, где я смотрел, был как раз угол. Поверху шли зубцы, а на первом этаже были довольно большие окна. Ближе я не подошел, потому что под окнами вокруг дома тянулась полоса аккуратной щебенки. Поэтому все, что я видел в окна, было такое темное и замазанное и все в отражениях деревьев вокруг дома. Наверное, это потому, что я стою в десяти футах от дома, решил тогда я. Теперь-то я знаю, что дело было не в этом.

Внутри я увидел вроде бы человека в каком-то вроде бы плаще. То есть на нем было что-то длинное, сероватое, летящее и с капюшоном. Капюшон не был поднят. Он валиком лежал вокруг шеи, но лица я все равно не разглядел. Их лиц никогда не видно. Я решил, что это просто отражения в окнах, и вытянул шею поглядеть. Тот человек стоял над таким откосом, покрытым кнопками и мигающими лампочками. Я сообразил, что это какая-то машина. Да, я тогда был неуч, но как-то раз пробрался в будку стрелочника на железной дороге под аркой канала, а еще мне показывали печатный станок в суде на нашей улице, поэтому я понял, что это маши-

на, просто непонятно было, какая именно, похожая на те, но гораздо глаже с виду. Пока я смотрел, тот человек протянул руку и очень твердо и решительно нажал на машине несколько кнопок. Потом повернул голову и вроде бы что-то сказал поверх капюшонного валика. Тут показалась вторая фигура в таком же плаще. *Они* стояли спинами ко мне и смотрели на что-то на машине. Из всех сил смотрели. По тому, как *Они* стояли, чувствовалось, какие *Они* кошмарно сосредоточенные.

От этого я даже перестал дышать. И едва не лопнул, но тут один из *Них* кивнул, потом кивнул другой, и *Они* куда-то двинулись, этак бодро и деловито. Мне не было видно то место, куда они направились, и захотелось посмотреть. Я понимал, что у *Них*, наверное, какое-то важное дело. Но я ничего так и не увидел. Только почувствовал. Земля вдруг задрожала, и деревья, и треугольный замок. Все подернулось рябью, будто от горячего воздуха. Я тоже задрожал и неприятно поежился, и меня будто что-то дернуло в сторону. Потом это чувство прошло. И больше ничего не случилось.

Я чуть-чуть подождал, а потом тихонько прокрался обратно, к стене вокруг парка. Мне было страшно, это да, но при этом до невозможности интересно. Я все думал, отчего меня дернуло в сторону и почему все задрожало.

Как только я перескочил через стену, у меня будто распечатало уши. Стало слышно, как грохочут поезда и шуршат колеса, прямо-таки рев городских улиц, и от этого мне стало еще интереснее. Я проскочил по проулку вдоль стены и прошел по оживленной улице, куда выходил фасад замка. С этой стороны замок был чер-

нее, а от тротуара его отгораживал железный забор, похожий на шеренгу гарпунов. Окна, которые виднелись между гарпунами, были забраны ставнями — темными стальными ставнями. Верхние окна были узкие, как щелочки, но и на них поставили гарпунные решетки.

Я посмотрел вверх и подумал: нет, сюда нипочем не пробраться. Да-да, я думал, как туда пробраться, с того мига, как меня вот так странно дернуло. Мне до зарезу нужно было узнать, что за странные дела творятся там, внутри, в этой полной тишине. Я прошел вдоль забора к входной двери. Она была черная и не очень большая и плотно закрыта. Но я почему-то сразу понял, какая она тяжеленная. Посередине двери была привинчена гравированная табличка. Подниматься по четырем ступеням крыльца я не отважился, но табличку с тротуара было видно очень хорошо. Золотые буквы на черном фоне гласили:

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ ГРОССМЕЙСТЕРЫ ПОДЛИННОЙ ДРЕВНЕЙ ИГРЫ

А под этим стояло что-то вроде печати — корабельный якорь. И все. Тут уж я прямо заплясал от любопытства и досады.

Потом мне пришлось пойти домой, пока мама не хватилась. Она не любила, когда я болтался по улицам. Я, конечно, не мог рассказать ей, где побывал, но меня до того одолело любопытство, что я задал несколько вопросов как бы невзначай.

— Читал сегодня одну книгу, — сказал я ей. — И там было одно место, которого я не понял. Кто такие гроссмейстеры подлинной древней игры?

— Шахматисты, наверное, — ответила мама, разливая чай. — Отнеси чашку отцу в лавку.

Я отнес чай и спросил отца. У него была другая теория.

— Похоже на какое-то тайное общество, — сказал он.

У меня побежали мурашки по коже и волосы на голове зашевелились.

— Знаешь, глупости все это, — добавил папа. — Взрослые люди, а сами рядятся в мантии и проводят шутовские обряды.

— Это в Старой крепости, — сказал я.

— А где это? — спросил папа. — Впервые слышу.

Обряды, значит, подумал я. Ну, тогда понятно, зачем плащи, но машин и как все дернулось оно не объясняет. Наутро я, как ни удивительно, пошел прямо в школу и спросил учителя перед уроками. Он тоже не знал. Мне стало ясно, что ничего он не знает, потому что он прочитал мне длинную лекцию — до самого звонка — про то, что подлинная — значит реальная, а «реал» — это «королевский», а игрой королей называют и теннис, и охоту на оленей, и как древние короли отрезали себе огромные участки земли, чтобы там охотиться на оленей, а потом еще про франкмасонов — на случай, если это на самом деле были они. Когда прозвенел звонок, я коротко спросил, что он знает о Старой крепости. И он о ней никогда не слышал, но велел мне пойти в Публичную библиотеку и спросить там, если мне интересно.

Я зашел в библиотеку по дороге из школы домой. Тамшний библиотекарь был точь-в-точь брат-близнец нашего учителя. Такая же борода, такие же очки-полумесяцы и такая же длинная лекция. И он тоже

ничего не знал. Дал мне книжку по шахматам, и еще по теннису, и по охоте вдобавок — ни от одной не было никакого проку, — и еще четвертую, под названием «Достопримечательности». От нее тоже не было особого проку. Правда, там была картинка со Старой крепостью — такой аккуратненький серый рисунок фасада с гарпунами и всем прочим. А на всю подпись под ним кто-то пролил чернила, и ничего было не разобрать.

Я до того разозлился, что, как дурак, пошел и показал это библиотекарю. А он решил, будто это сделал я. Вот что хуже всего в том, чтобы быть мальчиком. Что бы ни стряслось — ты виноват. Мне до сих пор не привыкнуть. Он рассвирепел, наорал на меня и выставил вон. И пришлось уйти. От этого я только преисполнился решимости выяснить, что это за Старая крепость такая. До того я разозлился.

Клякса появилась там не случайно. Я уже тогда так подумал. Больше-то в книге ничего чернилами не замазали. *Они* не хотели, чтобы кто-то узнал. А если бы Старая крепость нигде не упоминалась, это выглядело бы подозрительно. Кто-нибудь наверняка попытался бы что-то узнать. Поэтому *Они* сначала сделали так, чтобы это просочилось в книгу, а потом обеспечили, чтобы никто этого не прочитал. Очень на *Них* похоже.

— Что, думаете, отвадили меня? — сказал я *Им* на улице, когда вышел из библиотеки. — Как бы не так!

Я пошел домой. Был день доставки заказов. В лавке отец паковал горы провизии в картонные коробки, чтобы развезти по домам покупателям. Обычно их забирал Роб. Я уже говорил, что Роб обожал работать в лавке. Но раз я там очутился, меня тоже припрягли. Для раз-

нообразия именно этого я и хотел. Роб огорчился. Он боялся, что я захочу взять велосипед. У нас был грузовой трехколесный велосипед, и Роб его очень любил, и папа тоже — не понимаю за что. Он весил, наверное, тонну, а спереди был приделан железный ящик, чтобы складывать туда коробки. Даже если погрузить туда всего одну коробку, то, чтобы сдвинуть махину с места, надо напрягать ноги до скрипа, и ехать можно только по прямой, а если поворачивать — то резко. Я отдал велосипед Робу. Взял ближайшую коробку и унес. Как только я скрылся из виду у Роба, то тут же сорвал записку сверху, где значилось «Миссис Макриди», и потащил коробку вместе с провизией вниз к Старой крепости.

Отлично придумано, радовался я, поднимаясь по ступенькам к тяжелой закрытой входной двери. Позвонил в латунный колокольчик и услышал, как он звенит в тишине в глубине дома — «Дон! Дон! Дон!». И сердце у меня тоже звенело, да так, что стало больно. Я стал ждать. Вот сейчас один из *Них* придет, а я ему: «Ваш заказ, сэр. Если позволите, я отнесу его в кухню». Отлично придумано.

Я ждал и ждал. Выдавленный якорек на дверной табличке был мне как раз на уровне глаз, и пока я ждал, то рассматривал его и увидел, что над его концом — над той частью, которая называется у якоря веретеном, — выгравирована корона. Через некоторое время сердце у меня перестало звенеть, и я начал злиться. Позвонил во второй раз. И в третий. К этому времени я проникся ненавистью лично к коронованному якорю, Впрочем, это была полная ерунда по сравнению с тем, как я возненавидел его потом. Мне постоянно там и сям попада-

ются всякие пабы и гостиницы под названием «Корона и якорь». И в каком бы отчаянном положении я ни очутился, заставить себя туда зайти я не могу. Постоянно подозреваю, что меня там поджидают *Они*.

Около пяти часов вечера я понял, что все это без толку. Чушь какая-то, подумал я. Откуда они, интересно, берут провизию? Может, они вообще не едят? Но на самом деле я думал о другом: в пять у многих кончается рабочий день, и теперь эти фигуры, вероятно, снимают серые плащи и собираются домой.

А вот это можно запросто проверить, решил я. Пойти и посмотреть. Ну и дураком же я был!

И вот этот дурак двинулся за угол, в проулок, с огромной коробкой провизии в руках, и стал искать, где удобнее всего перебраться через ограду. Я поставил коробку прямо на тротуар и встал на нее, чтобы перелезть. Когда я оттолкнулся, послышался мерзкий хлюпающий треск — наверное, яйца, — но я не обратил внимания и забрался на ограду. Наверное, я сам себе не признавался, как мне было страшно. С минуту я просидел на стене неподвижно. И оказалось, что если вытянуть шею в сторону замка, то городской шум сразу умолкает: раз, и все. А если убрать голову обратно — оп! — звуки возвращаются. Я попробовал несколько раз, а потом все-таки соскочил вниз, в тишину между деревьями. И меня снова одолело жгучее любопытство. Я не желал отступать. И подобрался туда, откуда было видно то самое окно.

Они были там. Оба. Стояли и болтали себе рядом со своей машиной, полускрытые от меня молочно-белыми отражениями деревьев в стекле.

Ну, все! Получается, *Они* слышали звонок и даже не потрудились спросить, кто там. Очевидно, дело, которым *Они* занимаются, страшно секретное. А значит, про него стоит разведать, — логично, правда? А еще логично, что этот парк или сад, где я стою, это *Их* частное владение, а следовательно, они наверняка время от времени выходят туда прогуляться. Значит, должна быть еще одна дверь — в третьей стене треугольной крепости, в стене, которую я еще не видел.

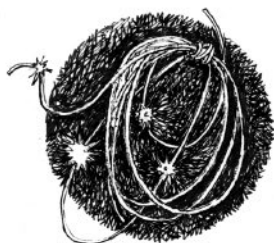
Я двинулся туда через кусты. И верно, там была дверь — прямо посередине той стены. И выглядела она куда как проще и гостеприимнее, чем парадная. Просто толстая стеклянная пластина с ручкой, вделанной прямо в стекло. Я пристально взгляделся, но за стеклом вроде бы было темно. И ничего не видно, только отражения парка и еще канала. С этой стороны арки тянулись высоко-высоко у меня над головой. А вот чего я не увидел, когда бросился к двери через щебенку, так это собственного отражения в стекле. Надо было мне об этом подумать. Но я не подумал. Да, наверное, к этому времени все равно было уже поздно.

Дверь открылась, и за ней оказался какой-то гудящий туман. Я сам не понял, как очутился внутри. *Они* обернулись и посмотрели на меня. Тут я, конечно, сообразил, какой я дурак. Здание было треугольное. Дверь не могла вести никуда, кроме комнаты с машинами. Я-то думал, что нет, потому что ничего не видел за стеклянной дверью. А теперь передо мной были машины — они стояли таким треугольным островком, мигали и мерцали, и сквозь эту дверь мне их должно было быть прекрасно видно.

Почти все в этой комнате было затянуто тем жутким туманом — кроме *Них*. И еще туда падала тень от канала, поэтому мне было хорошо видно только то, что попадало в темные дуги — тени от арок. А в просветах не было ничего, кроме белого неба, и в нем все терялось и путалось. *Они* были в небе. *Их* вообще невозможно нормально разглядеть. Я видел только большой стол у широкой стены треугольной комнаты. Он был весь в мигающих огоньках, а в воздухе над ним через равные промежутки висели какие-то большие штуковины. Я заморгал, глядя на эти штуки. Они были похожи на огромные игральные кубики.

«Так здесь и вправду идет игра!» — подумал я.

Но ощущение было страннее некуда. Как будто попал в отражение в витрине. И при этом у меня было такое чувство, будто на самом деле я стою где-то снаружи, на улице, под арками канала. Поначалу я думал, что именно это чувство не дало мне сразу и убежать. Думал, я просто растерялся. А потом постепенно до меня дошло, что я там словно бы завис — и что на самом деле я не мог пошевелиться.

II

Тот из *Них*, что стоял ближе ко мне, обошел меня и затворил дверь.

— Очередной рандом, — сказал он.

Кажется, он был недоволен. Таким тоном мама сказала бы: «Ну вот, у нас опять завелись мыши».

А второй ответил:

— Придется разобраться с ним, прежде чем двигаться дальше.

Так папа сказал бы: «Что ж, милая, придется снова ставить мышеловки».

— Как? — спросил первый. Он опять обошел меня и вернулся к машинам. — На этом этапе мы не можем позволить себе труп. Вот почему нельзя без рандомов?!

— Без них никак, — сказал второй. — Они необходимы для игры. Кроме того, когда рискуешь, только интереснее. Этого можно будет сбросить в контур скитальцев, но сначала уточним, как воздействует на игру появление трупa.

— Идет, — согласился первый.

Они склонились над машинами. Сквозь белую завесу отраженного неба я видел, как *Они* пристально вглядываются в меня, а потом смотрят на свою машину и выбирают, какую кнопку нажать. Так мама смотрит на лоскуток ткани для занавесок, когда выбирает новые обои. После этого *Они* переключились на другую часть машины и стали смотреть на нее с большим сомнением. Потом перешли на другой конец комнаты посмотреть на огромный мигающий стол.

— Гм, — сказал первый. — Положение в игре сложилось щекотливое, правда?

— Да, — сказал второй. — Если бы это случилось на твоей стороне, то приблизило бы революцию, но я еще лет двадцать не смогу себе позволить никаких уличных беспорядков. Я заявляю неоправданное преимущество. Предлагаю сбросить.

Первый вернулся и остановился, глядя на машину со свойственной *Им* сосредоточенностью.

— Было бы очень разумно с нашей стороны при сбросе поработать с семьей и стереть всяческую память об этом, — сказал он.

— Нет-нет! — Второй подошел к нему. — Это против правил сброса. Якорь, сам понимаешь. Якорь.

— Можем стереть и при трупe. А что такого?

— Нет, я уже заявил неоправданное преимущество. Ладно. Давай сбрасывать.

— Да пожалуйста, — сказал первый. — Не так уж это и важно. Какое там правило? Вроде бы теперь мы должны извещать всех остальных, чтобы не перегрузить скитальческий контур. Так?

Вот не сойти мне с этого места! *Они* говорили все это, обсуждали мою участь так, будто я деревянная фишка, будто игральная карта какая-нибудь! А я висел в воздухе и ничего не мог поделать. А потом увидел, как *Они* нажимают еще какие-то кнопки у самого края машин.

И все кругом разверзлось.

Знаете, как в парикмахерской, когда везде много зеркал, сидишь и смотришь в зеркало, а видишь зеркало за спиной, и так снова и снова, и все расплывается вдаль? Вот примерно это со мной и произошло. Снова и снова, и все расплылось, и вдруг оказалось, что кругом одни треугольные комнаты. Они налезали друг на друга, уходили все дальше и дальше, и внизу тоже — все ниже и ниже. И над нами они тоже громоздились. Я посмотрел, но меня от этого замутило: *Они* расхаживали парами и рядом, и надо мной, и вообще, и всё норовили подойти поближе, чтобы лучше видеть меня. И все *Они* были в этих *Их* плащах, но это были не просто отражения первых двух. Все это были совсем разные *Они*. А больше я ничего сказать не мог. Все было такое расплывчатое, такое мерцающее, и поперек всего этого шагала, как на ходулях, тень от арок, как будто, кроме нее, здесь не было ничего настоящего.

— Просим вашего внимания, — сказал один из *Тех*, кто были при мне. — Мы собираемся сбросить. Можете ли вы подтвердить, что в контуре есть свободное место?

— Производим расчет, — отозвался далекий голос.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ ЗА ПОРОГОМ..... 5

ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ..... 273

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

ИАНА УИНН ДЖОНС

ДОМ ЗА ПОРОГОМ ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ

Ответственный редактор *Екатерина Дубянская*
Редактор *Нат Аллунан*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Юлия Теплова, Мария Левина, Маргарита Ахметова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 20.05.2019. Формат издания 60×90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 35. Тираж 3000 экз. Заказ №
Дата изготовления 10.06.2019.

Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

C-FUN-23863-01-R